

ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ – ЦУНАМИ

Анна Ольховская

Принц
на черной
кляче

Детективы о женщине-цунами

Анна Ольховская

Принц на черной кляче

«Соболева Анна Николаевна»

2012

Ольховская А.

Принц на черной кляче / А. Ольховская — «Соболева Анна Николаевна», 2012 — (Детективы о женщине-цунами)

ISBN 978-5-699-60438-8

В прошлый раз только чудо спасло красотку Лану Красич от страшного жертвоприношения на алтаре в центре древнего лабиринта. И вот снова на Олешинном острове происходит что-то неладное. Неужели опять всему виной языческий культ?.. Лана не желает верить во всю эту мистическую чушь, но друзей и ее саму продолжают преследовать жуткие злоключения. Возлюбленному Ланы Кириллу Витке внезапно становится плохо, и его срочно увозят на «Скорой» в неизвестном направлении, и потом никто не может найти больницу, куда его поместили. Возле Ланы начинает крутиться подозрительный профессор, который выглядит в лучших голливудских традициях «а-ля Индиана Джонс». А подруга Лена Осенева внезапно приходит в себя после бандитского нападения... в больнице СИЗО и узнает ужасную правду: оказывается, Кирилл давно мертв и якобы именно Лена повинна в его смерти...

ISBN 978-5-699-60438-8

© Ольховская А., 2012

© Соболева Анна Николаевна, 2012

Содержание

Пролог	5
Часть 1	9
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анна Ольховская

Принц на черной кляче

Пролог

НЕНАВИЖУ!!!!

Мерзкие твари, убогие черви!!!

Вы снова помешали мне!!!

В последнее мгновение, когда Врата уже дрожали под напором Силы, атакуемые с двух сторон!

Именно с двух, полностью подчинив себе носителя, Раал ощутил забытый за тысячелетия контакт с соплеменниками, ответный отклик Гипербореи.

Жрецы знали о нем, они ждали, они надеялись! Откуда, как, почему – в тот момент Раалу некогда было задумываться над этим, бешеная радость и предвкушение победы буквально захлестнули Верховного Жреца Великой Гипербореи, столько веков находившегося в невольной ссылке в этом измерении.

Много тысячелетий назад жители Гипербореи могли свободно проникать в это измерение, населенное слабыми и тупыми дикарями, чтобы поразвлечься от души.

А поскольку души у гиперборейцев были по сути своей темными и жестокими, то и развлечения оказывались под стать им. Душам.

В совершенстве овладевшие ментальными способностями, достигшие в своем измерении высшей ступени развития цивилизации, высокие, все как на подбор – безусловно красивые, идеальные до безликости, – приходившие ниоткуда гиперборейцы казались людям богами.

Да, злыми, да, жестокими, но – богами. И долгие века жестокой власти Гипербореи людям и в голову не приходило сопротивляться.

И гиперборейцы расслабились. И пропустили тот момент, когда на Земле стали появляться те, кто обладал ментальной силой. Вернее, научившиеся управлять ею.

Шаманы, жрецы, колдуны, ведьмаки, волхвы – в разных местах планеты их называли по-своему, но суть была одна: они владели СИЛОЙ.

Но умение свое до поры до времени скрывали от богов.

До той поры, пока не смогли объединиться, договориться и, тщательно подготовившись, ударить одновременно, в одночасье захлопнув все Врата, открывавшие путь из Гипербореи на Землю. И запечатав их навсегда.

«Гостившие» в тот момент на Земле гиперборейцы, почувствовав неладное, бросились к Вратам, но пути домой больше не было. А те, кто еще вчера беспрекословно подчинялся богам, угодливо заглядывая в их глаза, теперь открыли охоту на господ.

И со временем перебили всех до одного.

Но полностью истребить не смогли. Древняя кровь, смешавшись с дикарской – а боги очень любили местных женщин, – смогла сохранить потомков Гипербореи, возрождая их снова и снова.

Чем и воспользовался оставшийся на Земле Верховный Жрец Гипербореи, Раал. Он один почувствовал в свое время неладное, заметив непонятную возню дикарей, строивших совершенно одинаковые каменные лабиринты на месте Врат.

Раал пытался обратить на это внимание остальных Верховных Жрецов, но к его словам никто не прислушался: подумаешь, лабиринты! Это дикари очередные алтари для богов строят. Что? Почему эти алтари такие одинаковые по всей планете? Да какая разница!

И Жрецы, в чьи обязанности входило оставлять часть своей души в специальных каменных святилищах возле каждого Врат – на случай форс-мажорной ситуации, – вот уже пару веков манкировали своими обязанностями. И сейчас так и не вспомнили о них.

Об обязанностях.

И охранно-защитные камни-сейды остались пустыми.

Кроме одного – в районе современного Сейд-озера. Того, за который отвечал Раал.

Не достучавшись до остальных Верховных Жрецов, Раал решил действовать самостоятельно. И отделил для дежурства в сейде не малую часть души, а основную.

Но местные шаманы, похоже, почувствовали, что возле их Врат затаился кто-то сильный, и соорудили дополнительный запирающий лабиринт, открыть который сам Раал не смог.

Находясь в камне, не смог. И с бессильной яростью наблюдал, как гибнут от рук дикарей устремившиеся к его Вратам соплеменники. Если бы хоть один смог добраться до сейда, в котором была заключена душа Жреца! Раал показал бы ему, где находится Ключ от Врат – кинжал, сделанный из небесного металла. С помощью этого Ключа и обрядового жертвоприношения они вместе смогли бы открыть Врата, впустив сюда карающие орды Гипербореи.

И мерзкие людишки прокляли бы тот день, когда задумали противостоять богам!

Но – не дошел никто.

А открыть Врата мог только носитель Древней крови, максимально чистой.

Казалось, что выхода нет.

Но Раал не сдался. У него теперь было много времени, даже слишком много.

Правда, чем больше времени проходило, тем сложнее было открыть Врата. Но, все равно реально!

Тем более что там, в Гиперборее, все еще ждали этого. И жаждали с каждым веком все острее.

Потому что свое измерение они изгадили так, что жить там становилось все сложнее. Вода, воздух, земля – все было отравлено. И вовсе не отходами цивилизации, как здесь, на Земле, – гораздо хуже.

Когда умением управлять погодой и стихиями обладают существа, скудные душой, ничего хорошего ожидать не следует.

Так случилось и в Гиперборее. Откуда ж ему взяться, хорошему, если войны ведутся с помощью землетрясений, наводнений, цунами, извержений вулканов, торнадо и ураганов?

Вот и исковеркали в результате свое измерение так, что восстановить уже не могли. И для выживания цивилизации оставался один путь.

На Землю.

И все силы были брошены на открытие Врат. Но, увы! – шаманы и волхвы дикарей оказались сильнее и хитрее своих богов. Разрушить их запоры можно было только здесь, на Земле. С той стороны Врата просто исчезли.

Все это Раал узнал от той части души, что осталась в теле. В момент перед открытием Врат. Которое так и не состоялось...

Само собой, его собственное тело давно уже истлело и рассыпалось в прах – даже жившие очень долго по меркам дикарей гиперборейцы не могли протянуть несколько тысячелетий. Но душе Раала в связи с особой важностью миссии Верховного Жреца предоставляли новые тела, причем обладателей этих тел никто особо не спрашивал. Подходит по нужным параметрам – добро пожаловать на пьедестал обмена душ.

В общем, его ждали. На него надеялись, веками накапливая ненависть к мерзким дикарям, поставившим Великую Гиперборею на грань катастрофы!

То, что Великая Гиперборея сама притопала к этой грани, в расчет не бралось. Ну притопали, ну и что? У них ведь под боком есть это измерение, пока еще относительно чистое, с водой и воздухом. А эгоистичные аборигены их не пускают!

Твари.

И вот тысячелетиями подготавливаемый момент открытия Врат, над которым так терпеливо и старательно трудился Раал, в последнее мгновение сорвался!!

Столько сил, столько терпения, столько веков – и все прахом!

Снова!!

Он с таким трудом сводил вместе носителей Древней крови, дожидаясь максимально чистокровного потомка гиперборейцев с соответствующей душой. Темной и жестокой. И ведь свел! И получилось! Причем целых два потомка, наделенных Силой! Правда, обе – девушки, и одна из них обладала отвратительно чистой и светлой душой, но и Силы, к счастью, у нее было поменьше.

Зато вторая – просто шедевр! Хрупкая девушка с внешностью эльфа и черной душой садиста. Дина Квятковская.

Раал вел девушку с самого рождения. С его помощью Дина смогла собрать вместе потомков тех шаманов, что закрыли в свое время Врата Раала, убедить их отправиться в поход по загадочным местам русского Севера, привести к сейду, в котором маялась тысячелетия душа Раала, найти Ключ и совершить первое жертвоприношение, выпустив этим Раала из камня и впусив его душу в себя¹. Затем умница Дина продолжила череду жертвоприношений, но ей помешали мерзкие людишки – Лана Красич и Кирилл Витке.

И Дину упекли в закрытую психиатрическую клинику, в которой содержались особо опасные психи. Выбраться оттуда было практически невозможно, тем более что за пребыванием Квятковской в клинике постоянно следил Матвей Кравцов, начальник службы безопасности строительного холдинга отца Ланы, Мирослава Красича.

Опасную пациентку, едва не сбежавшую еще во время транспортировки, сразу же посадили на тяжелые транквилизаторы, постепенно превратив ее в овощ.

И Раалу, снова запертому в тюрьме – пусть и не в каменной, но разум овоща ничем не лучше камня, – пришлось очень и очень поднапрячься, вытаскивая носителя из психушки.

Но он справился². И вновь привел носителя к Вратам, прихватив заодно в качестве жертвы ту самую Лану Красич, что помешала когда-то завершению ритуала. Теперь сама Лана должна была лечь в центр лабиринта, а вонзить Ключ в ее сердце предназначалось ее брату, Яромиру Красичу. Жертвенную кровь должен был пролить близкий родственник.

Ставший ментальным рабом Квятковской, Яромир почти справился.

Почти...

Раал уже видел, как в дрожащем над центром лабиринта мареве проступили силуэты собравшихся с той стороны Врат Верховных Жрецов, как просияли мстительной радостью их глаза, но в этот момент пуля просверлила во лбу Дины Квятковской третий глаз, лишая Раала носителя. А Ключ так и не вонзился в тело жертвы...

Все произошло так быстро, что Раал не успел среагировать. А потом его буквально накрыло волной ослепляющей ненависти и злобы.

И он не сделал того, что мог сделать. Единственно правильного шага в этой ситуации.

Он упустил момент. И второй потомок гиперборейцев, волею Провидения оказавшийся, вернее, оказавшаяся на месте жертвоприношения, исчезла прежде, чем Раал вынырнул из черной бездны яростного безумия.

Да, у Лены Осеновой была отвратительно светлая и чистая душа, но Раал мог вселиться только в носителя Древней крови. Разум и душа дикарей были закрыты для него.

Как и все предметы и растения Земли – вселиться в них без специального обряда Раал тоже не мог.

---

¹ См.: Роман Анны Ольховской «Лгунья-колдунья».

² См.: Роман Анны Ольховской «Вампир, мон амур!».

К счастью, на месте жертвоприношения остался Ключ – единственный предмет из Гипербореи. Яромир, сообразив, ЧТО он едва не совершил, в ужасе отшвырнул клинок слишком далеко. А потом в суматохе о нем банально забыли.

Так что пристанище для души Верховного Жреца нашлось.

А значит, ничего еще не закончилось...

Часть 1

Глава 1

– Ой, ну что ты делаешь, перестань! – Пухленькая светловолосая девушка, на щеках которой от улыбки счастливо жмурились симпатичные ямочки, шутливо хлопнула по потянувшейся в неправильном направлении руке.

Но поскольку девушка родилась и все свои семнадцать лет прожила в деревне, она по определению не могла оказаться хилой городской барышней, за свою жизнь не поднимавшей ничего тяжелее зонтика. Нет, эти крепкие ладошки и вилы держали довольно ухватисто, и с дойкой коров справлялись не хуже матери, и свиньям тяжеленные ведра с похлебкой таскали, – в общем, сильные они были, ладошки-то. И увесистые.

Поэтому шутливый хлопок показался управлявшему своими конечностями парню пинком взбрыкнувшей лошади. Ну, хорошо, не полноценной лошади, но зловредного пони – точно. Во всяком случае, на мгновение ему привиделось, что вместо кистей рук у его спутницы копытца.

– Ауч! – Он отдернул расхныкавшуюся руку и успокаивающе потер ушибленное место. – Клава, ты чего лягаешься?

– Я тебе что, лошадь, что ли, чтобы лягаться?! – возмутилась девушка.

Едва удержавшись от подтверждающего кивка, парень пробурчал:

– Нет, внешне ты похожа на хорошенькую девушку. Пока не начинаешь драться.

– И ничего я не дралась, я так, по руке хлопнула, чтобы не охальничал. – На круглых щечках Клавы снова захихикали ямочки. – Сережа, а я правда хорошенькая? Или ты всем девушкам так говоришь?

– И ничего и не всем! – Опытное женское ухо моментально уловило бы в искреннем негодовании парня излишнюю нарочитость, но у Клавы Севрюковой, младшей дочери Ивана Севрюкова, фермера из деревни Поморье, маленькие розовые ушки были совсем неопытными. И с готовностью подставили аккуратные краешки под внушительные связки отборнейшей лапши, навешиваемой столичным красавчиком. – Я, когда тебя в первый раз увидел, сразу понял: она! Та самая, которая снилась мне по ночам, которую я искал долгие годы и никак не мог найти! Если бы ты знала, Клабочка, как я тосковал, как страдал! Да, у меня были девушки и женщины – я ведь все-таки мужчина, но среди них я не нашел той хрустальной чистоты, которая просто звенит в тебе! – Блин, чуть не ляпнул – фиалка на горном склоне! Хотя вряд ли эта простушка вспомнит фразу из фильма, если вообще его смотрела. – Ты – словно горный источник живой воды, к которому стремится усталый путник! Нет, не воды – вина, молодого и хмельного, от которого просто сносит крышу! И ничего удивительного нет в том, что и мне снесло! Клабочка, милая моя, – голос парня снизился на полтона и стал бархатно-воркующим, – я с ума схожу рядом с тобой! Не вини меня в этом, вини себя! Я ведь не смогу теперь без тебя, солнышко мое! Я хочу, чтобы мы всегда были вместе! Всегда-всегда, – и в горе, и в радости!

– Ты... – Клава почувствовала, как немеют ноги, как сладко замирает бьющееся пойманной птичкой сердце, как от вкрадчивых прикосновений умелых рук незнакомо ноет внизу живота, как все бастионы, вроде бы основательно выстроенные под строгим надзором отца – «Ни-ни до свадьбы, Клавка! Узнаю что – изувечу и тебя, и хахалю твоего!» – начинают осыпаться, словно были выстроены из песка. – Ты что, меня замуж зовешь?

– Да, веточка моя яблонева, да! – хрипло выдохнул Сергей, добравшись наконец, до пышной груди, такой настоящей, такой нежной и в то же время упругой, живой, не то что силикон его прежних подружек.

Да и вся эта пухляшка была такой крепенькой, такой наливной, такой настоящей! От нее даже пахло совсем по-другому – не эксклюзивными духами и дезодорантом, а свежескошенной травой и солнцем.

А ее наивность, ее нетронутость, ее неопытность буквально сводили Сергея Тарского, молодого московского плейбоя, с ума. А он еще не хотел ехать в эту командировку!

Да и кому захочется тащиться летом не к теплему побережью Средиземного моря или хотя бы Черного, а в холодрыгу Белого! Из Москвы в Мурманск ради какой-то скучнейшей конференции! Ну, хорошо, не конференции, а саммита – любят у нас нынче именовать посиделки словами иноземными, – но суть от названия не изменилась. Куча нудных докладов, среди которых едва ли найдется парочка по-настоящему интересных и полезных, а в остальном – тоска смертная!

Но аспиранта кафедры языковедения Сергея Тарского никто не спрашивал. Надо лететь – полетишь. И доклад прочитаешь, ведь саммит посвящен именно твоей теме, языкам финно-угорской группы.

Но сначала подготовишь сам доклад, подписав его именем своего научного руководителя, профессора Исидора Полуэктовича Шляпка. Так уж заведено в научном и не только мире – салабоны пашут на дедушек.

Обычно на такие конференции-саммиты летал сам Изя, чему Сергей был только рад – он не любил эти сборища престарелых фанатов от науки, с которыми и не потусишь нормально. А вот шанс сдохнуть от скуки имелся, и весьма реальный. Но Исидор Полуэктович предпочел побережью Белого моря теплые пляжи Испании, и сомнительная честь выступить с докладом лично досталась его аспиранту.

Если честно, Сергей и на кафедредохнул от скуки, тема его кандидатской диссертации интересовала парня не больше, чем устройство швейной машинки, но маменьке с папенькой так захотелось. Они оба – люди бизнеса, старший из сыновей, Андрей, серьезный и толковый парень, успешно отучившийся в экономическом университете, уже уверенно рулит их семейным делом наравне с родителями, женился, двое детей у него, в общем, надежда и опора семьи.

Чего не скажешь о младшеньком – красавчике Сергее. Если старший, Андрей, внешность имел вполне заурядную: плотный, рано начавший лысеть, нос картошкой, глаза небольшие, короткие светлые ресницы, на щеках оставшиеся после юношеских угрей оспины, то Сергей, родившийся на десять лет позже, получился совсем другим.

Очаровательный большеглазый кудрявый малыш вырос в роскошного самца, эдакого мачо. Высокий, стройный, густые темно-русые волосы, идеально лежавшие в стрижке благодаря легкой волне, светло-голубые глаза красивого миндалевидного разреза, твердые губы, ровная гладкая кожа, изящные узкие ладони с длинными пальцами, гибкое тело – в общем, лакомый кусочек для противоположного пола. И не только противоположного.

Но – балбес. Редкостный.

Нет, Сергей вовсе не был тупым идиотом, он учился легко и непринужденно, схватывая все на лету. И, если бы захотел, смог бы рулить бизнесом наравне с братом.

Но он не хотел. Совсем. Бизнес парня не интересовал, потому что требовал полной самоотдачи, сосредоточенности, внимательности, умения постоянно держать все под контролем.

А именно это раздолбаю и лентяю Сергею Тарскому было чуждо. Парень с рождения был лишен такого качества личности, как ответственность. Для него всегда существовала только одна причина для действий – я хочу. А что будет потом? Да какая, на фиг, разница, отец с братом все разрулят.

Сергей вовсе не был подлым, или злым, или жестоким.

Он был РАЗДОЛБАЕМ. Во всем. И всегда. А если этим своим раздолбайством портил кому-то жизнь или подставлял случайно – так ведь не со зла, правда?

В общем, к моменту окончания младшеньким школы родители поняли – рассчитывать на него, как на продолжателя их дела, не стоит. Иначе уверенно плывущий вперед по волнам корабль семейного бизнеса налетит на первую попавшуюся на пути мель и затонет с рекордной скоростью.

К счастью, у них уже есть один помощник капитана – Андрей, так что пусть он и станет капитаном со временем. А Сергея надо занять делом, в котором его раздолбайство не причинит большого вреда людям и планете в целом. Но и чтобы перед знакомыми стыдно не было.

И младшенький без особых проблем был устроен на филологический факультет МГУ.

Сергей, поначалу отчаянно сопротивлявшийся выбору «родаков», после первого дня учебы сопротивляться перестал. И даже был искренне благодарен матери с отцом за такой потрясающий подарок – филфак МГУ!

Факультет невест.

Пустили козла в огород, в общем.

Глава 2

Учеба, конечно, оказалась нудной и скучной, но студент Тарский лекции почти не пропускал. Чем он занимался на этих лекциях – другой вопрос, зато картина посещаемости у него была благополучной.

А вот успеваемости – не очень. Однако и плохой ее назвать было нельзя, голова у Сергея все же была достаточно светлая. И перед экзаменом он умудрялся впихнуть туда небольшой клочок знаний, достаточный для троечки.

Все остальное время Тарский увлеченно посвящал вовсе не исследованиям в области языкознания и лингвистики, нет, его интересовала совершенно иная область знаний.

Пик-ап. То есть мгновенный «съем» девушек.

В этой области Сергей Тарский скоро смог и сам стать преподавателем. Это поприще вполне устраивало и его родителей, вот только отец с матерью видели в младшеньком преподавателя курса лингвистики в вузе, а не тренера по пик-апу.

И так же, как пять лет назад, Сергею снова помогли. Теперь – попасть в аспирантуру, под крылышко Исидора Полуэктовича Шляпко, весьма благосклонно относившегося к пухлым конвертам с денежкой.

В принципе, Тарского такое развитие событий вполне устраивало. Еще бы – он навсегда оставался в так любимшемся ему огороде. Огороде молоденьких и чаще всего доступных девушек.

Глупышки наивно полагали, что смогут женить на себе красавчика-аспиранта, прыгнув к нему в постель.

Ну да, ну да...

В общем, Сергей мог смело сказать, что жизнь, в общем-то, удалась. Да, в аспирантуре приходилось все же заниматься научной работой и какое-то время проводить в душных залах библиотек, выискивая там материал для статей и докладов.

Но ведь вся прелесть в том, что и в библиотеках росли славные такие бутончики, изголодавшиеся по мужскому вниманию!

Правда, когда два года назад одна из таких тихушниц, хрупкая голубоглазая девушка, жестоко расправилась с его двоюродным братом, Антоном Тарским, Сергей на время перестал ходить в библиотеки.

Стоило парню увидеть за регистрационным столом такую вот серую скромную мышку в милой блузочке и строгой юбочке, как перед глазами вновь возникало обезображенное лицо Антона...

Который, кстати, был очень похож на него, Сергея. Или наоборот – Сергей, будучи младше на пять лет, был похож на Антона?

Собственно, не суть важно, главное, что, когда братья Тарские собирались на семейных посиделках вместе, малознакомые с ними люди именно Антона принимали за старшего брата Сергея, а Андрея – за двоюродного.

Да и общался с кузеном Сергей гораздо чаще, чем с родным братом. Потому что с Антоном было гораздо интереснее, – он многому научил младшего Тарского.

Став, по сути, его личным тренером по пик-апу. В чем, в чем, а в этом Антон был настоящим гуру. Ведь вдобавок к убойной внешности у парня имелся еще и чарующий бархатный голос, при первых звуках которого млели все представительницы слабого пола: от школьниц младших классов до старушек у подъезда.

Ну, почти все. Одна из таких представительниц, Лена Осенева, владелица небольшой туристической компании, абсолютно не реагировала на гипнотизирующую свирель голоса Антона Тарского.

И этим привлекла красавчика гораздо больше, чем внешностью, хотя и внешность у девушки была о-фи-гительная: высокая гибкая брюнетка, со стильной короткой стрижкой и большими глазами необыкновенного оттенка – цвета молодой листвы.

В общем, Антон завелся всерьез. Сергей никогда еще не видел своего брата таким влюбленным. Хотя нет, влюбленностью чувства Тарского назвать было нельзя, а вот охотничьим азартом – да.

Добыча ускользала от охотника, не желала покорно идти в его сети, а к такому поведению красавчик не привык.

И Антон начал преследовать Лену и даже потащился вслед за ней в совершенно кретинский поход по шаманским местам Кольского полуострова. Он, метросексуал и сибарит, больше всего на свете ценивший комфорт, чистое белье и ванну с пеной, согласился ночевать в жутких условиях, таскать на себе дурацкий рюкзак, кормить собой злющих комаров и справлять нужду, pardon, под ближайшим кустом!

Сергей отговаривал тогда кузена, убеждая того переключить внимание на другую девицу – вон их сколько, и покрасивее Ленки найдутся!

Но Антошку заклинило.

А в результате – с Севера он вернулся в цинковом гробу...

И на опознание ходили они с Андреем, потому что мать Антона (его отец, дядя Сергея, погиб пять лет назад в автокатастрофе), узнав о жуткой гибели сына, с сердечным приступом попала в реанимацию. Отец Сергея в те дни находился в командировке в Канаде, а посылать в морг мать братьям Тарским и в голову не пришло.

В первый момент они не узнали в том, что лежало на каталке морга, своего кузена. Потому что вместо глаз на искаженном смертной мукой лице трупа зияли кровавые дыры, а шею пересекала жуткая ухмылка разреза...

В общем, кошмар. А когда чуть позже Тарские увидели ту, кто совершил все это, они не поверили. Как, КАК эта тощая блеклая моль смогла справиться с высоким спортивным Антошкой?!

Но – справилась. И не только с ним.

Если бы эту тварь Квятковскую не заперли в психушку, Сергей придушил бы убогую лично.

Но постепенно боль утихла, жизнь завертелась-закружилась своим чередом, и Антона вспоминали все реже и реже.

Пока не зашла речь о международной научной конференции в Мурманске, на которую предстояло лететь Сергею.

– Куда? – Мать, Наталья Сергеевна, узнав о месте проведения конференции, побледнела и обессиленно опустилась на диван. – В Мурманск?! Это... это же недалеко от того места, где... где... убили Антошу!

– Ну и что? – искренне удивился Сергей. – Во-первых, не так уж и недалеко, Кольский полуостров – он большой, мама. А во-вторых, что же, теперь вообще к Северу от Москвы не ездить?

– Плохое это место, сынок, очень плохое, – прошептала Наталья Сергеевна, – я чувствую.

– Мам, ну ты что? – Сергей присел рядом с матерью и приобнял ее за плечи. – Ты же современная женщина, деловая бизнес-леди, умная и серьезная, откуда эти настроения? Ты еще о предчувствиях заговори!

– И заговорю, – всхлинула мать. – Я во вторую очередь бизнес-леди и современная женщина, а в первую – мама. И от одного только упоминания этого проклятого места у меня сердце заходится! Я чувствую, нет – я знаю: всей нашей семье там грозит опасность! Откажись от поездки, сынок, прошу тебя!

– Мам, да ты что? – В последний раз Сергей видел мать в таком раздразе на похоронах Антона, и сейчас у него самого пробежал вдоль спины холодок от дрожащих губ и плещущегося в глазах матери страха. – Успокойся! Да не поеду я туда, не поеду! Я и сам не особо рвусь в эту холодрыгу тащиться, там сейчас, несмотря на август, всего восемнадцать градусов тепла и дождь. Но Изя настаивал, вот я и согласился. К тому же в Мурманск собирается прилететь профессор из Санкт-Петербурга, Петр Никодимович Шустов, который будет главным рецензентом моей диссертации, и Изя считает, что мне необходимо лично с ним познакомиться и постараться произвести как можно более благоприятное впечатление. Но раз ты так странно реагируешь – я не поеду.

– Вот уж глупости какие! – Газета, которой все это время отгораживался от семьи отец, зашуршала, складываясь, а Игорь Андреевич продолжил: – Сергей, если ты все время будешь идти на поводу у женских капризов, ты ничего в жизни не добьешься! Подумай сам – вряд ли у тебя появится еще один шанс встретиться с профессором до защиты, – где Владивосток, а где Москва. А личные контакты всегда и во всем играют не последнюю роль, так что готовь доклад и постарайся выступить достойно.

– Но как же... – жалобно посмотрела на мужа мать.

– А ты, Наталья, – Игорь Андреевич, сердито нахмурился, – меня неприятно удивила. Ты что, переутомилась на работе? Так возьми отпуск, слетай в Анталию или на Кипр. А хочешь – в Эмираты. Отдохни, развейся и прекрати говорить глупости! Наш сын и так не особо радуется нас своими успехами, а ты еще и палки в колеса вставляешь!

– Ничего никуда я не вставляю! – вспыхнула Наталья Сергеевна, поднимаясь с дивана. – Я просто не хочу, чтобы с нашим сыном случилась беда!

– Которая грозит на побережье Белого моря всем, кто носит фамилию Тарский! – саркастически усмехнулся отец. – Ты сама-то себя слышишь? Словно суеверная бабка из глухой деревни! Бред какой-то, честное слово!

Мать задохнулась от возмущения, попыталась что-то сказать, но, увидев одинаково насмешливые лица мужа и сына, махнула рукой и вышла из гостиной.

А Сергей через неделю вылетел в Мурманск.

Глава 3

Настроившись на унылое времяпрепровождение в обществе дряхлого старца, да еще и под осенним дождиком, Сергей затолкал в чемодан плотные джинсы, несколько тонких джемперов, само собой, зонтик, а для поднятия настроения на дне уютно устроилась плоская фляга с вискариком.

Надо же чем-то снимать напряжение после научной нудятины, а найти в гостиничном баре любимый сорт виски Сергей не рассчитывал. Потому что сорт был довольно редким.

Что? Снимать напряжение лучше более приятным способом, в женском обществе?

Нет уж, спасибо. Ночные жужелицы (какие они, на фиг, бабочки, они постельные труженицы-жужелицы) Тарского никогда не привлекали, услугами проституток он брезговал. Зачем ему подержанные размалеванные тетки, ассоциации с цветочком при встрече с которыми могут возникнуть только в виде словосочетания «Букет венерических заболеваний»? Он спокойно может уложить в постель почти любую девушку, ухоженную и чистенькую.

Встретить такую среди участников конференции Сергей не рассчитывал, а вот к организаторам саммита можно присмотреться повнимательнее. Обязательно должны быть стройные девушки, одетые в строгие деловые костюмчики, с бейджиками на груди, облегчающими общение.

И если повезет, то его фляжечка с янтарно-коричневой жидкостью будет еще более кстати. Белые ночи, романтика, трали-вали, тили-тили, все не раз уж проходили.

Главное, чтобы профессор оказался не слишком навязчивым, и не пришлось бы таскать за собой старца везде и всюду. Гололеда пока в Мурманске нет, а значит, сыплющийся из деда песок бесполезен. И даже вреден в больших количествах, юные красотки с бейджиками этого не любят.

Но сюрпризы начались с момента посадки самолета.

Когда самолет вынырнул из плотного облачного слоя, и в иллюминаторы шаловливо заглянуло солнце. А потом стюардесса объявила температуру воздуха за бортом.

Плюс двадцать пять!

Сергей озадаченно почесал затылок, надеясь чесом сменить надетые на нем плотные джинсы и тонкий пуловер с длинными рукавами на легкие брюки и рубашку-поло.

Не получилось. Зато толстый одышливый сосед, весь полет вытекавший из своего кресла на имевших сомнительное удовольствие сидеть рядом, посмотрел на яростно скребущего голову красавчика с опаской. Чегой-то он чешется? Блохастый, что ли?

Заметив реакцию доставшего его толстяка, Сергей мстительно осклабился и очень точно сымитировал собачий чес уха. Потом сделал вид, что поймал кого-то на воротнике, и шустро сунул пойманное в рот, громко щелкнув зубами.

Пузан икнул, побледнел и принялся трясущимися руками тереть застежку ремня безопасности.

А вот не надо было этого делать. Ремень, и так сипевший от дикого натяжения – ну не рассчитан он на такие габариты! – возмущенно хлопнул и натянулся еще сильнее, окончательно заклинив застежку.

А Сергей, ласково прищурившись, «выловил» в недрах своей густой гривы очередную «живность» и молниеносно ткнул рукой в жирный бок соседа.

Тот взвизгнул и забился в ловушке самолетного кресла, причем так сильно, что кресло жалобно скрипнуло.

Сидевший с краю высокий худой мужчина, казавшийся очень умным из-за увеличенного лысиной лба, укоризненно покачал головой, глядя на Сергея. Но в глазах его плясали веселые смешинки – жиртрест притомил и его за время полета.

А толстяк, судорожно хлопая пухлыми ладонями по тому месту, куда этот псих запустил блоху, продолжал тем временем выламывать кресло. И в перспективе вполне мог рвануть на выход в виде гигантской черепахи-мутанта, с привязанным к нему креслом вместо панциря.

Но на шум уже подросла стюардесса. Сергей к этому моменту смиренно сидел на своем месте, с «искренним» сочувствием глядя на страдания незадачливого соседа. Вот ведь бедняга, а? Наверное, очень летать боится, и после удачной посадки нервишки отпустило.

Тарский так сопереживал несчастному, что попытался помочь стюардессе справиться с заклинившим замком, но, стоило ему протянуть руки к пузану, как тот взвыл еще громче и пнул заразного красавчика ногой.

Вернее, намеревался пнуть. И пнул бы, лети они бизнес-классом. Где, кстати, его душные потные тела не доставляли бы соседям такого дискомфорта.

Но пузан меньше всего беспокоился об удобствах окружающих, он имеет право летать там, где ему хочется, и тратить деньги на билет в бизнес-класс из-за собственных раскормленных габаритов ему и в голову не приходило.

За что и поплатился, впервые в жизни.

Ведь даже пнуть ногой этого наглого типа не получается, поскольку жирные тумбы, заменявшие дядьке конечности, были плотно втиснуты в узенькое межкресловое пространство, и от попытки пнуть заразного негодяя досталось сидевшей впереди холеной дамочке, буквально вылетевшей из кресла от мощного удара тумбой.

И понеслось! Визг, вопли, ругань, скрип кресла, возмущенные крики застрявших в образовавшейся в проходе пробке пассажиров – забавно, в общем.

А главное – ничего не делал такого, всего лишь почесался.

Этот инцидент, освещенный ярким солнцем и приправленный хорошим таким погодным плюсом, настроил Сергея на совершенно не рабочий лад. От покорного согласия с бездарным и скучным исчезновением ближайших трех дней в бездне научного безвременья не осталось и следа.

Вот еще! Терять драгоценное время лета! Тем более когда вместо сырости и прохлады Север встречает тебя ласковым солнцем и чисто умытой голубизной неба.

Ладно, на саму конференцию он, конечно, пойдет, но тратить вечера на развлечение дряхлого старца Сергей больше не собирался. Когда еще в его жизни будет так много света – почти весь день! Это ж как романтично, сколько возможностей для пик-апа!

Ничего, господин Шустов, ничего! Я что-нибудь придумаю, чтобы отвязаться от вас вежливо и культурненько.

Но приятные сюрпризы этой командировки еще, как оказалось, не закончились. Они только начинались.

Гостиница, в которой размещались участники конференции, оказалась вполне европейского уровня: новая, светлая, с приветливым персоналом и пусть не очень просторными, но отремонтированными и чистыми номерами. И постельное белье хрустело свежестью, и ванная с душем сверкали белизной – Европа, господа!

И еще сюрприз – Тарскому достался одноместный номер. Да, он просил об этом, но обычно на таких мероприятиях в одноместные селят только самых важных персон, а аспирант Сергей Тарский при всем желании не смог бы пока сойти за такую. Вернее, такого.

Но и уточнять – за что ему подобная честь – Сергей не стал. Поблагодарив милую барышню на ресепшн, он шустро цапнул пластиковый ключ от своего номера и, вытянув длинную ручку чемодана, покатил багаж к лифту.

Возле которого уже стоял, ожидая прибытия подъемника, невысокий крепкий мужчина лет пятидесяти, одетый в прекрасно сидящий на нем летний костюм. Стильная короткая стрижка, черты лица особой красотой не отличались – слишком большой крючковатый нос,

узкие губы, странно скошенные книзу глаза, но за счет общей холерности облик незнакомца не портили, наоборот – умный цепкий взгляд невольно притягивал к себе внимание.

В целом мужчина был похож на солидного бизнесмена из тех, у кого шестизначный счет в банке, трехэтажный особняк, красotka жена и «Лексус» (как минимум) у порога.

Вот только вел себя мужчина странновато. Ничуть не скрываясь, он с интересом смотрел на приближавшегося Сергея и продолжал в упор разглядывать, когда тот подошел и остановился у лифта.

Который все не ехал. А мужчина все таращился.

К ним присоединились еще трое из только что прибывших участников саммита, летевших с Тарским в одном самолете (среди них оказался и третий сосед по креслам, тот самый высоколобый), а странный тип продолжал разглядывать Сергея.

Он что, гей, что ли? Вот не было печали!

Раздражение сменилось возмущением, и только присутствие посторонних удерживало Тарского от разборок с наглецом.

И в этот момент тощий лысик из самолета, присмотревшись к странному мужчине, приветливо улыбнулся:

– Петр Никодимович, и вы здесь? Здравствуйте! Рад, рад, не ожидал!

– Добрый день, Яков Иосифович, – вернул улыбку тот, прекратив наконец сверлить взглядом Сергея. – Любопытно, чему вы так удивлены? В числе моих научных интересов языковедение занимает не последнее место, вы же знаете.

– Да, конечно, но основная ваша тема, насколько мне известно, загадочные артефакты, верно?

– Не основная, Яков Иосифович, отнюдь! Одна из. И она, между прочим, плотно увязана с изучением древних наречий Севера. Так что мой приезд сюда вполне логичен.

К тому же сюда я прилетел еще и ради знакомства с будущим соискателем, чью диссертацию мне предстоит изучить. Не люблю, знаете ли, тратить время на откровенную ерунду, вот и решил заранее разобраться – стоит мне вообще открывать эту работу или нет. А как вы сами думаете, Сергей?

Глава 4

Челюсть Тарского повела себя самым свинским образом, выставив хозяина полным идиотом. Ну, хорошо, не полным – стройным, но все равно идиотом, у которого от удивления челюсть отпадает с мелодичным звоном.

Правда, через секунду Сергей сообразил, что звякнул приехавший лифт, а не его челюсть, но, судя по усмешке холеного мужчины, на лице парня отразилось вовсе не «сияние чистого разума».

Это и есть профессор Шустов?!

Не суетливый старичок в мятом костюме и с густо усеянными перхотью плечами, как ожидал Сергей, а молодежавый подтянутый дядька, больше похожий на олигарха какого-нибудь, а не профессора?!

На обращенный к нему вопрос следовало как-то реагировать, но вот ведь незадача – все силы немедленного реагирования Сергея Тарского были натренированы на общение с женским полом, с коллегами по науке необходимости пускать их (силы) в ход до сих пор не возникало.

И вместо изящного словесного кульбита, который превратил бы неловкость ситуации в забавный эпизод, парень смог выдать только сокрушительное по внятности и наполненности смыслом:

– Э-э-э... А... Мнум...

От последнего Сергея вообще перекошило, но словесный запор продолжался, и неловкость стремительно приближалась к отметке «позор».

К счастью, не долетела. Спасли открывшиеся створки лифта и добавившиеся к этому моменту новые постояльцы, среди которых была и дама – квадратная такая тетя с очень коротко стриженными волосами. Женственности «добавлял» и почти мужской костюм, и тупоносые туфли на низком каблуке, и полное отсутствие маникюра на руках, но все же принадлежность к женскому полу в ней угадывалась, и Тарский с облегчением уступил место в лифте, мило улыбнувшись в ответ на благодарность.

Профессор никому ничего уступать не стал – он ведь первым пришел к лифту – и отбыл по месту назначения. Или пребывания?

Да какая, собственно, разница, главное – исчез. Забрав с собой кретинизм ситуации.

Потому что к моменту следующей встречи Сергей сумеет вернуть себе адекватность и способность поддерживать беседу на должном уровне.

И теперь Тарский уже не пытался избавиться от общества профессора, наоборот – чем больше он размышлял об их необычном знакомстве с Шустовым, тем сильнее хотелось познакомиться с будущим научным рецензентом поближе.

Фу ты, да не в том смысле! Просто Петр Никодимович выглядел именно так, как сам Сергей хотел бы выглядеть в этом возрасте. Не затерханным книжным червем и не рыхлым сибаритом с обленившимися мозгами, как его непосредственный руководитель Исидор Полуэктович, давно уже забывший о науке вообще и о собственных исследованиях в частности и державшийся только за счет пахавших на него аспирантов, а вот таким: стильным, подтянутым, ухоженным, с умным ироничным лицом и цепким взглядом-рентгеном.

До сих пор таких людей Сергей встречал только в среде коллег отца по бизнесу. И вдруг – вуаля! Оказывается, и среди людей науки встречаются подобные экземпляры.

И общение с таким редчайшим экземпляром должно быть очень интересным. Вряд ли Петр Никодимович способен беседовать исключительно на тему науки и собственных исследований, он явно полон сюрпризов.

Да не то слово! Профессор оказался ими переполнен!

Никогда еще участие в научных конференциях, да еще и с такой «увлекательной» темой, как финно-угорская группа языков, не оказывалось настолько захватывающим и интересным.

Нет, сами доклады и их обсуждения были отличным средством от мух – те дошли на лету от скуки. Но вот то, что рассказывал Петр Никодимович, больше походило на приключенческий роман, чем на научные исследования.

Потому что область интересов профессора Шустова оказалась более чем обширной. Изучение наречий древнего Севера, загадочных каменных святилищ-дольменов, разбросанных по всему миру, религиоведение! Большая часть того, чем интересовался Петр Никодимович, до сих пор виделась Сергею выдумкой склонных к мистике психов или фантазиями журналистов, жаждущих найти сенсацию там, где ее нет.

Но оказалось, что мистика древних капищ все же имеет место быть, и загадочных явлений, которые современная наука не в состоянии объяснить, тоже хватает. И профессор Шустов как раз и пытается найти эти самые объяснения. Научные.

В общем, к моменту окончания конференции Сергей и сам поверил в то, что раньше вызывало у него лишь саркастическую усмешку. К примеру, что наши предки действительно владели ментальными силами, получившими название «магия». А потом утратили древние знания, увлекшись технической стороной прогресса.

Но следы этих знаний можно найти в древних артефактах, в зашифрованных рунах, в дольменах, кромлехах – тот же загадочный Стоунхендж, к примеру.

В общем, профессор Шустов показался Сергею отечественной версией Индианы Джонса. И сейчас Тарскому больше всего хотелось, чтобы именно Петр Никодимович стал его научным руководителем. Ради этого парень готов был переехать в Питер, жить в общежитии, лишившись привычного комфорта родительского дома. А что, когда-то надо ведь начинать!

Если бы только Шустов позвал! Но он не звал...

А ведь было еще одно обстоятельство, заставившее Сергея всерьез увлечься рассказами профессора.

Та сумасшедшая тварь, жестоко убившая два года назад Антошку, верещала что-то насчет жертвоприношения, да и в поход тогда отправились по шаманским местам русского Севера...

Вспомнив об этом в очередной раз, Сергей помрачнел.

Что не осталось незамеченным его собеседником, увлеченно дегустировавшим отменно приготовленное филе судака.

Они с профессором как раз обедали вместе, отмечая закрытие конференции и интересное для обеих сторон знакомство. Самолет Сергея вылетал поздно вечером, а Петр Никодимович собирался пробыть в этих местах еще с недельку, порыбачить на Белом море. У него здесь, как, впрочем, практически во всех уголках бывшего СССР, имелся хороший знакомый, знающий рыбные, охотничьи и грибные места.

Шустов наслаждался прекрасно приготовленным блюдом, изредка поглядывая на задумавшегося спутника.

Совершенно непонятно, почему ОНИ выбрали в качестве Проводника этого амебообразного красавчика? Самый обычный парень, довольно сообразительный, но не более того. В нем нет ничего того, что должно быть у Проводника – стальной воли, жесткости, да что там – жестокости, без этого в будущей миссии никак, хитрости, изворотливости, умения владеть собой.

А этот – классический раздолбай и бабник. К тому же очень внушаемый бабник, что для Проводника неприемлемо. Проводник на то и Проводник, чтобы вести за собой толпы адептов.

Почему, почему ОНИ не доверили ритуал ему, их преданному и проверенному не единой слуге? Тому, кто всю свою жизнь посвятил ИМ? За которым и сейчас уже идут сотни учеников?

Ладно, поживем – увидим. Он свою миссию выполнил, с будущим Проводником познакомился, мальчишка только что в рот ему не смотрит, каждое слово с жадностью ловит, так и светится в глазах пацанячье «еще!».

Никаких «еще!», пока не доем рыбу, уж больно она хороша, мм-м, вкуснятина!

Да и Сергей вон что-то замолчал, лицо словно выцвело, в глазах – боль и страх. Странно, с чего бы это? Ну да ладно, пусть погрустит парень, неохота лезть с расспросами, все равно...

Кожу на груди вдруг словно крапивой обожгло, профессор даже подавился от неожиданности и надсадно закашлялся.

Но быстро справился с приступом, ошарашенно поглаживая через рубашку саднящее место ожога.

– Что с вами, Петр Никодимович? – встревожился Сергей. – Сердце прихватило?

– Нет, просто поперхнулся, и теперь от кашля грудь болит, – успокаивающе улыбнулся профессор. – А вот с тобой что?

– В смысле?

– В прямом. Ты уже минут пять сидишь бледный и расстроенный, нет, даже не расстроенный, а словно испуганный.

– Вам показалось, – смутился Сергей. – С чего бы мне пугаться? Или расстраиваться? Впрочем, признаю – есть немного. Расстройства. Жаль, что с вами придется расстаться, вы так много интересного знаете!

– Да вы, батенька, еще и льстец! – рассмеялся Шустов, озадаченно рассматривая собеседника: почему ОНИ напомнили о себе через медальон именно сейчас?

Таковыми ударами-ожогами ОНИ пользовались крайне редко, прекрасно осознавая, что их взаимоотношения с этим человеком строятся исключительно на доброй воле человека. Ни заставить его, ни наказать ОНИ не могут, человек служит только ради грядущих бонусов. Да и сегодняшних бонусов хватает – собственно, все научные исследования профессора, как и обе диссертации, кандидатская и докторская, базируются на сведениях, полученных от НИХ.

А удары-ожоги через медальон ОНИ обычно применяют в случае форс-мажора, когда надо срочно обратить на что-то внимание профессора, направить его в нужную сторону.

Судя по всему, нужной стороной сейчас является причина грусти этого красавчика. Ну что ж, разберемся.

Глава 5

Никодим Шустов, шахтер из Донецка, знал только один вид отдыха – пьяные посиделки с друзьями, которые плавно, а иногда резко переходили в полежалки. Где накроет «усталость», там полежалки и случались.

И Прасковье, жене Никодима, приходилось в очередной раз идти на поиски загулявшего мужа, оставив дома трех несмышленишек, младший из которых, Петька, был инвалидом.

Правда, весной и летом, когда ночи уже были теплыми, женщина никуда не ходила – проспится Никодим и сам придет, но когда на землю начинали опускаться ночные заморозки, никуда не денешься, надо идти.

Иначе упившийся до состояния бревна супруг в бревно и превратится. Замерзшее такое полено.

С каждым годом Прасковье все труднее и труднее было заставлять себя выходить из теплого, уютного, пахнущего чистотой дома в холод и грязь, заглядывать во все подворотни, под заборы, шарить по кустам в поисках бессознательного тела муженька. Тяжелого, прошу заметить, тела и очень часто обгадившегося «с устатку».

И волоочь эту смердящую тушу в дом, и пытаться затащить его в ванную, чтобы хоть немного смыть грязь и вонь. И молить Бога о том, чтобы глава семейства не очнулся.

Потому что Никодим, и по трезвяку не отличавшийся спокойным и мирным нравом, в пьяном виде просто зверел. И, если мог передвигаться самостоятельно, жене и детям приходилось несладко.

Да что там несладко – горько. Тошно. Страшно...

Особенно доставалась Петьке. Собственно, после рождения ребенка-инвалида (у младшенького был ДЦП) Никодим, до этого пивший в меру, и начал нажираться до свинского состояния.

Горевал так, ага. Ну как же – наконец-то сын родился (а первые две получились девчонки), и на тебе – безногий!

Хотя у Пети была не самая тяжелая форма ДЦП, мальчик мог, хоть и с трудом, но передвигаться. И пусть его сведенные судорогой ножки и ручки больше походили на конечности краба (не формой – выгнутостью), ходить и обслуживать себя самостоятельно Петя научился. И, как мог, старался помогать маме.

И до икоты, до истерики боялся отца. Боялся и ненавидел.

Потому что Никодим вымещал на ребенке свой позор.

Какой позор? Ну как же – пацан уродом родился! И после этого – как отрезало! Баба так и не смогла родить другого, нормального.

Хотя насчет уроды Никодим лучше бы помолчал. Он сам не отличался ни ростом, ни удастью, ни красотой. Коренастый, обильно заросший густой порослью почти по всему телу, гордый обладатель огромного мясистого носа, маленьких глазок-буравчиков, широкого беззубого рта-щели, Никишка Шустов в юности популярностью среди шахтерских дочек не пользовался. Вообще.

И ладно бы только признанные красавицы обходили неказистого парня стороной, так нет же! Даже стоявшая в конце списка невест Дунька Симакова, коротконогая плоскогрудая деваха с рябым лицом и косыми глазами, отказалась гулять с «абиззяной носатой».

Впрочем, не сразу. Поначалу Дунька согласилась пойти с Никишкой в кино на «Кубанских казаков», ведь до сих пор в кино она ходила только с подругами, – парни обходили Дуняху стороной.

Но первое свидание оказалось и последним. А Дунька растрепала на весь поселок, что у Никишки жутко воняет изо рта, потные руки, и он совсем не умеет ухаживать. Ни словечка

ласкового не сказал, лимонаду в буфете не купил, семечками не угостил, всю картину сидел молча, как истукан, только сопел все громче, а когда пошел домой провожать, в ближайших кустах попытался завалить девушку на землю и взять силой.

Но даже этого не смог – Дуняша сумела пнуть охальника в самое больное охальничье место и убежать.

В итоге Никодим стал посмешищем своего околотка. Что не могло не сказаться на и без того поганом характере.

Правда, это принесло и определенные бонусы. Всю свою неудовлетворенность, всю злобу Шустов вымещал в забое, ожесточенно врубаясь отбойным молотком в пласты угля. И выдавая на-гора по две-три дневные нормы.

Передовиком производства стал, в общем. Стахановцем. Что отразилось не только на зарплате – передовику одному из первых выделили отдельную квартиру в двухэтажном деревянном бараке, которые спешно строились на окраинах Донецка как раз для шахтеров. И неважно, что колодец и туалет располагались во дворе, а комнатухи были крохотными, зато свое, отдельное жилье, а не койка в общежитии или угол в родительском доме.

В общем, к тридцати годам Никодим Шустов стал завидным женихом – квартира, зарплата, уважение начальства. И на него с интересом поглядывали не только разведенки постарше, но и девушки на выданье. Да, краше Никишка не стал, но посолиднел, и уши вроде не так торчат, и нос на округлившемся лице меньше кажется. Правда, изо рта по-прежнему смердит, но, в конце концов, задержи дыхание и потерпи.

На разведенку Никодим даже и смотреть не стал. Нет, их постельными услугами он пользовался, борщи с пирогами трескал, но замуж не звал.

Девушку хотел, чистую, скромную, послушную. И красивую, а как иначе! Чтобы все, кто над ним в молодости насмеялся, от зависти почернели. Та же Дунька, к примеру, так и не сумевшая выйти замуж и прижившая ребятенка невеста от кого.

Баба теперь локти кусает – такого парня упустила! Ухаживание захотела, дура! А потерпела бы тогда, ноги послушно раздвинула – сейчас бы барыней в отдельной квартире жила, на курорты с мужем ездила!

Да, на курорты. Для шахтеров в Крыму и на Кавказе отстроили много санаториев и пансионатов, куда передовикам производства выделялись бесплатные путевки.

И куда Никодим съездил уже два раза.

А после третьей поездки привез в Донецк жену. Статную, белокожую, голубоглазую девушку с длинной русой косой. Не писаную красавицу, конечно, но очень симпатичную, а главное – скромную, добрую, верную.

Прасковья, которую в начале их супружеской жизни Никодим ласково звал Пашенькой, родилась и выросла в небольшой деревне возле Геленджика. Отец девушки погиб на войне, мать одна поднимала пятерых детей, и Прасковья, третья по счету, в пятнадцать лет уехала из деревни в Геленджик, поступила там в кулинарное училище, после окончания которого устроилась работать поваром в один из шахтерских пансионатов.

Где ее и заметил Никодим еще в первый свой приезд к морю. И тогда, и через год он не подходил к девушке, присматривался – как себя ведет, скромная или гулящая.

Скромная. Хотя симпатичная молодая повариха вызывала постоянный интерес у отдыхающих шахтеров, и предложения пойти прогуляться вечерком к морю получала ежедневно, причем раза по три-четыре.

Но никуда не ходила, не хотела разменивать себя по мелочам. Потому что практически все предложения подразумевали курортный роман, не более. Жениться на поварихе никто не собирался, зачем? Небось для виду кобенится, отказывается гулять, а сама втихаря с кем-то из начальства или курортников побогаче тискается.

Потому как не может девушка остаться девушкой, когда работает в переполненном мужиками пансионате!

Но Никодим увидел то, что не желали видеть другие, – скромность, доброту, накопившуюся нежность, жажду материнства.

И в третий свой приезд пошел в атаку.

Наученный горьким опытом, Никодим больше не пытался действовать грубо, он просто каждый день приносил поварихе или шоколадку, или скромный букетик цветов, или пакет с черешней. Молча совал в руки и уходил.

А за неделю до окончания срока своей путевки пригласил девушку в кафе, где и сделал предложение.

Паша давно уже заметила этого неказистого мужичка, который никоим образом не подходил под тот придуманный идеал, что грезился девушке ночами. Идеал мало чем отличался от Василия Ланового в образе капитана Грея из фильма «Алые паруса», а этот мужчина больше походил на уродливого носатого обезьяна, которого Паша видела в каком-то научно-популярном фильме – такой же волосатый и нос дулей висит.

Но... Годы идут, ей уже двадцать три, а замуж никто до сих пор не звал. Всем только одного надо...

А этот – позвал. И ухаживал так трогательно – Паше еще никто не носил шоколадок и цветов. К тому же говорит, что у него есть отдельная квартира, зарабатывает хорошо, шубу пообещал купить. И не пьет вроде, во всяком случае, в пансионате среди бухариков замечен не был.

В конце концов, с лица воды не пить, стерпится – слюбится, да мало ли еще поговорок придумали русские женщины...

И Прасковья согласилась.

Глава 6

И первые года три почти не жалела об этом. Ну да, милее и желаннее муж не стал, в постель Паша шла, как на каторгу, но ни разу ни словом, ни жестом не показала супругу, КАК он ей противен. И не отказывала, не ссылалась на усталость или еще на что, когда Никодим изъяснял желание завалить женку в койку.

Может быть, будь Никодим поласковее, понежнее, прислушивайся он к откликам женского тела, старайся доставить удовольствие не только себе, но и жене, он и смог бы разбудить в Паше женщину, а она – полюбить своего страшенького супруга.

Но – не случилось. А позже, когда Никодим всласть натешился откровенной завистью своих друзей и знакомых – «Да-а-а, Никишка, умыл ты нас всех, умыл! Это ж надо, какую женку себе отыскал: и справная, и хозяйка хорошая, и готовит так, что язык проглотишь, и добрая, и спокойная, и не гуляющая!» – а особенно после рождения первой дочери, белоголовой симпатичной (в маму, к счастью, пошла) Надюшки, семейная жизнь Прасковьи медленно, но верно начала превращаться в ад.

В обычный такой, среднестатистический ад русской женщины, у которой постылый пьющий муж, на людях – вроде приличный человек, а в семье – бытовой садист.

Уверенный в том, что все равно жена никуда не денется, потому как деваться ей некуда, гы-ы-ы...

А Прасковье действительно некуда было идти. Появись в ее жизни другой мужчина, добрый, тихий, непьющий, который принял бы ее с ребенком – Паша ушла бы, не задумываясь. И внешность, и возраст другого для нее не имели бы значения, главное – человеком чтобы был, а не тварью жестокой.

Но такие все были при семьях, да и выбора в их шахтерском поселке особого не имелось.

Вернуться домой, в Геленджик? Но куда? Во время работы в пансионате Паша и жила при нем, в специальном доме для работников.

В деревню, к матери? Там и так живет младший брат с семьей, в одной небольшой хатке – шесть человек. Нет, ей, Паше, там всегда рады, мама внучечку просит на лето присылать, чтобы ребяенок в море покупался, черешни с жерделой вдоволь наелся, но не стоит и речи заводить о том, чтобы уйти от мужа.

Потому как позор. Вышла замуж – терпи. Пьет, бьет, глумится? Ну так что ж, доля такая бабская. К тому же и не так уж часто пьет, только по праздникам да в день получки. Зато почти все оставшиеся после пьянки деньги в дом несет, квартира своя, ничего, все образуется. Ты ему сына роди, он и угомонится.

Никодим тоже постоянно бубнил о сыне, а когда узнал о второй беременности жены, даже пить перестал. Почти. Зато бить – совсем не бил. И жену снова стал ласково Пашенькой звать.

Но – опять девка! Да к тому же носатая да лопаухая, вся в отца! Такую и замуж спихнуть будет трудно, придется на приданое тратиться!

В общем, Никодим «с горя» снова запил. И пил пять дней, так что Прасковью с малышкой из роддома забирали кумовья.

Девочку назвали Любашей, и со временем Никодим даже привязался к младшей дочке больше, чем к старшей. Наверное, потому, что Любаша на отца походила не только внешне, но и характером пошла – такая же хитрая, наглая, двуличная.

– Эта не пропадет, молодец, девка! – радовался папенька, наблюдая за пока детскими пакостями дочурки, особенно любившей подставить старшую сестру, симпатяшку Надюшку, добрую и милую, как мама.

И снова – редкие, но меткие пьянки, глумливые выходки, постоянное унижение, побои...

Теперь-то вообще деваться некуда – с двумя детьми!

И Пашенька превратилась в Парашу. По-другому муж теперь ее и не звал, даже на людях. Но самым тошнотным стал интим с этим волосатым вонючим уродом. Чаще всего – по пьяни, в трезвом виде у Никодима начались проблемы в этом деле. Зато когда бахнет поллитру – всегда готов!

К изнасилованию – по-другому этот кошмар назвать было нельзя...

Больше всего Прасковья боялась теперь забеременеть – разве родишь здоровое дитя от вечно пьяного мужика?

Но чего боишься больше всего, то и случается.

Родив двух детей, Паша почти сразу поняла, что третий уже поселился в ее животе. И побежала к врачу за направлением на аборт.

Но в те годы молодой, здоровой, к тому же замужней женщине аборт был категорически запрещен. Во время войны страна потеряла столько народу, надо восстанавливать численность населения! Что это вы удумали, гражданочка! Что, муж пьет? И что? Сейчас многие пьют, и ничего – рожают крепких здоровых малышей. Так что вот вам учетная карта беременной, идите на анализы.

Узнав о том, что жена снова ждет ребенка, Никодим поначалу разозлился – еще одного нахлебника в дом! – а потом вспомнил, что сына-то у него нет. Так что ладно, Парашка, рожай, а там поглядим. Родишь сына – куплю сапоги новые, снова девка получится – прибыль.

Родился сын. Узнав об этом, Никодим действительно помчался в главный универмаг Донецка за теплыми сапожками для жены, последние три года ходившей зимой в разбитых войлочных опорках.

Хорошие сапоги купил, чешские, на пушистом меху, каблук наборный, подошва толстая такая, устойчивая.

Тяжелая. А каблук – твердый и края у него острые, кожа под ним лопается до крови...

Это Паша узнала в первый же день после выписки из роддома, когда принесла домой скрюченного Петеньку.

Никодим, синий от пьянки и от злобы, избил ее тогда до потери сознания. Бил всем, что под руку попадалось, в том числе и новыми сапогами. И убил бы, не прибеги на крики и плач детей соседи.

Озверевшего от вида крови отца семейства еле оттащили от лежавшей на полу женщины, его от греха подальше забрали на пятнадцать суток в милицию, а Пашу врач «Скорой» хотел отвезти в больницу – у нее оказались сломаны два ребра и нос.

Но Прасковья отказалась – какая больница, когда у нее трое детей на руках, причем один родился совсем недавно!

Надо жить дальше.

Вот только жизнь окончательно докатилась до отметки «ад». Вышедший через пятнадцать суток Никодим стал для жены и детей постоянным кошмаром. Правда, где-то месяца через три он хотя бы перестал пытаться «прибить уродца, все равно он не человек», просто исключив сына из своей жизни. И почти все время, пока был трезвым, Никодим проводил теперь с Любой, так же как и отец, ненавидевшей «плативнава улода».

Если бы не мать и Надюшка, Петр не выжил бы, сестра, науськанная отцом, либо придушила бы его подушкой, либо утопила в ведре. И ничего ей за это не было бы – крохе всего четыре годика, что с нее возьмешь!

Но семилетняя Надя стала отличной нянечкой, она с такой нежностью и заботой возилась с братишкой, что мама могла быть спокойна за сына: Надюшка Петеньку в обиду не даст!

Так и жили.

А когда мальчик подрос, оказалось, что он очень способный, гораздо способнее своих сестер. Читать Петя с помощью уже ходившей в школу Надюшки научился в три года, в четыре

– писать, хотя и с трудом – скрюченные руки не могли красиво вырисовывать палочки и крючочки. Буквы получались кривые и косые, но складывались в слова правильно, без ошибок.

В общем, к семи годам, когда дети идут в первый класс, Петя Шустов уже бегло читал, писал, умел складывать и вычитать – по развитию мальчик мог бы пойти сразу в третий (в котором на второй год осталась его сестра Люба).

Но его не взяли даже в первый класс школы. Потому что инвалидам там не место. А о домашнем обучении в их поселке и слыхом не слыхивали.

Органы соцзащиты дали Пете Шустову направление в школу-интернат для детей-инвалидов, но там программа обучения была рассчитана на умственно отсталых, и Пете с его светлой головой там делать было нечего.

Хотя Никодим, к этому моменту спившийся окончательно, был готов отправить убогого куда угодно, лишь бы с глаз долой.

Мерзкий крабеныш: его лупишь-лупишь, а он даже на заплачет, только зыркает глазами исподлобья да юшку кровавую из носа молча утирает. А еще моду взял – за мать и сестру заступаться! Ну и получал за троих!

К счастью – если это можно назвать счастьем – сил на побои у вечно пьяного Никодима почти не осталось. Да и выживаться особо было опасно – все деньги в дом теперь приносила Прасковья, самого Шустова из шахты давно выгнали. Бухарик в забое – слишком опасное существо. Для окружающих опасное.

И теперь Никодим в промежутке между запоями устраивался то грузчиком, то сторожем, то кочегаром. Но работал недолго, до следующего ухода в хмельной астрал.

И его снова выгоняли.

Зато Прасковья зарабатывала теперь хорошо, она стала шеф-поваром в одном из кафе Донецка, и хоть на работу ездить было далековато – из их окраинного поселка в центр автобусы ходили редко, зато зарплата высокая, да и с продуктами полегче.

В общем, решала теперь в семье она. Да, муженек продолжал распускать руки, но все реже – силы не те, и Паша уже привыкла не обращать на него внимания, воспринимая наличие в доме этой смердящей волосатой особи как досадную обязанность.

Ей детей надо поднимать, а особенно Петеньку. Такой мальчик умный, способный, развитый, а помощник какой! Его бы в нормальную школу – точно отличником стал бы!

Но в нормальную мальчика не взяли. А в интернат Паша отдавать ребенка не хотела – сгноят там сынишку!

Вот только ее, как оказалось, никто и спрашивать не собирался – мальчику семь лет, а значит, он должен быть куда-то пристроен. Дома болтаться ему не позволят!

И Паша решила обратиться за помощью к своей родне. Может, возьмут мальчонку месяца на два-три, пока тут все не успокоится? Он хлопот особых не доставит: сам ходит, сам ест, еще и по хозяйству поможет.

Брат и мать согласились – а чего, пусть малыш поживет. Может, и окрепнет на свежем воздухе.

Так Петя оказался в деревне под Геленджиком.

Это и стало началом его новой жизни.

Глава 7

Петя еще ни разу не выбирался никуда дальше своего поселка – к бабушке на море его до сих пор одного не отправляли. Чаще всего в деревне гостила Люба, хотя бабушка хотела видеть всех внуков. Но Надюшка отказывалась ехать без младшего братика, а Люба и слышать не хотела о том, чтобы «урод» все лето торчал рядом. Ей стыдно будет перед подружками!

И девчонка закатывала такие истерики, что Петю оставляли дома. А вместе с ним оставалась и Надя.

Хотя и бабушка, и дядя с тетей, и двоюродные братья, если честно, с гораздо большим удовольствием приняли бы у себя добрую и милую Надюшку, так похожую на маму в детстве, а не плохонькую внешне и внутренне Любу, вредную, капризную, ленивую. К тому же жестокую, как отец. Еще во время первого гостевания девочки таинственным образом начали пропадать цыплята. Бабушка Фрося грешила на соседского кота, пока Ванька, один из двоюродных братьев, не увидел, как маленькая Любашенька сворачивает пискле шейку. И личико ее, и без того не блещущее красотой, было при этом такое страшное, что мальчик в слезах кинулся к бабушке.

Любу наказали, цыплята пропадать перестали. Но у соседей то котенок исчезнет, то утят не досчитаются. Любашу больше на месте преступления не заставляли, так что родня могла только догадываться, чьих рук это дело.

А Ванька, кстати, в то лето больше месяца пропрыгал с гипсом на ноге – с лестницы упал, когда в построенную вместе с братьями халабуду на старой яблоне лез. Это был их мальчишеский штаб, куда Любаше вход был категорически воспрещен. Правда, когда в свое время у них гостила Надя, ее кузены с удовольствием брали в свои игры.

В общем, где-то дня через три после того, как Любу взгрели за цыплят, Ваня полез в свой штаб, а одна из перекладин под ним возьми и проломись. Мальчик упал и сломал ногу.

Место пролома было подозрительно ровным, словно кто-то подпилит перекладину, но бабушка и мамка с папкой детям не поверили – да ну, глупости какие, Люба слишком мала для подобной пакости, ей всего шесть лет!

Мала – не мала, но играть с ней братья отказались.

И очень просили, чтобы на будущий год приехали все, и больной Петечка тоже. Но снова явилась одна Любка, отвоевавшая ревом и скандалами свое единоличное право гостить у моря.

Так продолжалось четыре года, пока Паша не решила отправить сына в деревню подальше от органов соцопеки.

Люба снова попыталась пойти проверенным путем – закатить истерику, но на этот раз ничего не вышло. В ответ на злобное:

– Я не поеду с этим крабом! Мне стыдно! Или я, или он!

Мать, с трудом сдерживая возмущение, почти спокойно ответила:

– Хорошо. Выбрала. Поедет Петя. Теперь его очередь, ты достаточно отдохала у моря.

– А... – Люба, привыкшая, что ее ультиматум обычно срабатывал безотказно, от неожиданности смогла только булькнуть.

– Не лопни от злости, сестричка, – усмехнулся читавший книгу Петя. – Ты сейчас на сдохшую неделю назад крысу похожа – так же раздуло.

Не по годам взрослый, мальчик давно уже разобрался в семейных отношениях. И платил отцу и средней сестре той же монетой – гнущей и потемневшей от ненависти.

Люба мгновенно полыхнула красным, задохнувшись от злости:

– Ах ты... ах ты, сволочь криворукая! Ты как меня назвал?!

– Повторить? Тебе что-то непонятно? Крысой – потому что похожа на крысу своим длинным носом, а сдохшей – потому что раздуло тебя от злости и тупости.

– Ненавижу! Чтоб ты сдох! Правильно папка хотел тебя удавить! – перешла на ультразвук девочка, топая от злости ногами.

– Люба! – ужаснулась мать. – Что ты такое говоришь? Как тебе не стыдно, это же твой брат! Побойся Бога!

– А чего его бояться, – прошипела девочка, сейчас действительно жутко похожая на крысу, – его нет! Нет твоего Бога, поняла! И вообще, я вот поеду к тебе на работу и расскажу там, что ты в Бога веришь! И тебя уволят!

– Ага, и нашей крысе жрать будет нечего, – процедил мальчик, медленно, с трудом поднимаясь из-за стола. – Потому как твой разлюбленный папочка ни фига не зарабатывает, а пьет и жрет за счет мамы. Сдохнете с голоду оба. А если ты еще раз гавкнешь что-то в адрес мамы, я тебе косы повыдергиваю!

– Ой-ой, испугалась! – начала кривляться Люба, но, встретившись с взглядом глубоко сидящих глаз брата, действительно испугалась – ей на мгновение показалось, что это отец смотрит на нее с такой брезгливой ненавистью.

Потому что Петя был удивительно похож на своего отца – такой же носатый, с узкими губами и скошенными книзу глазами. Правда, ростом повыше должен был быть, если бы не болезнь, и волосы у него были материнские – густые и светлые.

Но если присмотреться, сходство с отцом становилось не таким очевидным: нос у Пети не висел дулей, а имел четкий орлиный изгиб. Глаза были побольше, а уши имели вполне нормальный размер и не торчали лопухами. И подбородок волевой намечался.

Однако в целом сразу было ясно, чей он сын.

Чему сам Петя был совсем не рад. Больше всего на свете мальчик хотел, чтобы эти двое – отец и средняя сестра – навсегда ушли из их жизни. Как было бы славно жить вместе с мамой и Надей! И никогда-никогда не видеть рожу вечно пьяного папашки и крысиную мордочку Любки.

Но, каждый раз, когда Петя смотрелся в зеркало, он видел там отражение отца.

Мальчик ненавидел себя – свое лицо, свое немощное тело, свои скрюченные постоянным тономом руки и ноги. Лицо – ладно, его куда не денешь, а вот уродство свое, болезнь и немощь...

Если бы он был здоров! Над ним перестали бы насмехаться соседские дети, мальчишки начали бы принимать в свои игры, он смог бы пойти в школу, стать там отличником, потом поступить в институт, выучиться на инженера, переехать в Москву и забрать с собой маму и Надю. А вонючего папашу и мерзкую сестричку оставить гнить здесь, в этом убогом поселке!

Но самое главное – он бы смог защищать маму и Надю, когда эта пьянь начинала скандалить и драться. Пока же единственное, что мог мальчик, – закрыть своих женщин скрюченным тельцем, подставив его под кулаки отца.

В общем, в жизни семилетнего Пети было совсем мало светлого и радостного. И поэтому грядущая поездка к морю стала для мальчика настоящим событием.

Море! Он никогда не видел его своими глазами, только на картинке. Из-за Любки к бабушке его не отправляли, да он и не особо рвался – если не знаешь чего-то, то и не скучаешь.

Бабушку Фросю Петя видел всего один раз в жизни – когда та приезжала навестить внучат. Мальчику тогда было два года, и лица бабули он не запомнил. А вот мягкие теплые руки, ласковый воркующий голос, рассказывающий ему на ночь сказку о репке, сладкий запах пирожков с жерделой (дикими абрикосами) запомнил.

И очень скучал, постоянно спрашивая маму: когда же снова баба Фрося приедет?

Но мама лишь тяжело вздыхала и отводила глаза – вряд ли баба Фрося вообще приедет, пока папа живет с ними. Не смогла пожилая женщина сдержаться, когда Никодим устроил очередной пьяный скандал с побоями, вмешалась, попыталась защитить дочку и внучат.

И получила свою порцию люлей.

А потом зять взашей выгнал ее из дома, проорав вслед, чтобы духу той больше здесь не было!

И не было. Бабушка Фрося зареклась гостить у дочери, а вот к себе в гости... звала. И ждала внучат, и любила, и жалела.

И очень обрадовалась, когда узнала, что к ней наконец приедут Надюша и Петечка. А Люба не приедет (эта новость вызвала радостное ликование кузенов и облегченный вздох старшего поколения).

Хотя хитрая девчонка, сообразив во время скандала, что наговорила лишнего, попыталась исправить ситуацию, подбежав к матери и умильно заглянув в глаза:

– Мамочка, прости, я не хотела! Я больше не буду! Я на самом деле очень-очень люблю Петечку, просто я разозлилась, вот и наговорила лишнего. Я поеду вместе с ним и Надечкой, буду помогать им!

– Тогда я не поеду, – угрюмо процедил Петя, исподлобья глядя на сестру. – Мам, не верь ей. Она все врет.

– И ничего не вру! – недобро зыркнула на него девочка, но тут же нацепила на лицо фальшивую улыбку: – Я тебя действительно люблю, ты же мой братик!

– Мам, я серьезно, – упрямо поджал губы мальчик. – Если Любка поедет к бабушке, я не поеду.

– Ну зачем ты так, Петюшка, – расстроено покачала головой мать, – не надо отвечать на зло злом, обиду таить, надо...

– Да кто тебя спрашивать-то будет! – вмешалась Люба, решив, что мать на ее стороне. – Ты ж почти как чемодан – куда поставят, там и стоять будешь. И никуда на своих кривых ножках не убежишь, понял!

– Люба, ты никуда не едешь. – Голос матери вдруг стал таким холодным, словно кто-то заморозил ее горло.

– Но как же? – взвизгнула девочка. – Ты же сама сказала...

– Разговор окончен.

– И что мне, все лето торчать в поселке?!

– Я тебя в пионерский лагерь отправлю, на три смены.

– Не хочу!

– Да кто тебя спрашивать-то будет! – насмешливо повторил Петя слова сестры.

– Чтоб ты сдох!

Глава 8

В деревню их с сестрой отвезла мать, она взяла на работе три дня отгула.

Люба, накануне отправленная в пионерский лагерь, от всей души пожелала братику утонуть или шею сломать и отбыла, переполненная злобой и ненавистью.

Отец, пребывая в очередной алкогольной коме, отъезда жены и детей не заметил. Что, собственно, только обрадовало Прасковью – Никодим вряд ли согласился бы с решением жены отправить Любочку в не самый лучший пионерлагерь (куда дали бесплатные путевки, туда и поехала – «Орленков» и «Артеков» на всех не хватит), а Надьку с Петькой – к морю.

Как это так – его любимая дочура будет пыль глотать в степи, а эти двое – наслаждаться свежим чистым морским воздухом?!

Что? На территории пионерского лагеря высажено много деревьев, так что никакой пыли там нет и воздух вполне чистый и свежий? А невкусная еда? А обязательная дисциплина? А все эти мероприятия дурацкие, которые его Любочка и в школе терпеть не могла?

Почему она должна мучиться почти все лето, в то время как эти двое будут жрать бабушкины вкусняшки и бегать там, где захочется, а не где велют?

Все это Никодим высказал жене после того, как на неделю вышел из комы. И подкрепил свое возмущение увесистыми аргументами в виде тумачков. И даже собирался поехать в лагерь и забрать оттуда Любочку, чтобы лично отвезти к морю.

Но, как любила говорить бабушка Фрося: «Кабы на бабу не др... (гм... диарея, в общем), она бы за море ушла».

Так и Никодим. Только у него другая причина несовпадения жизненных целей и возможностей получилась. Та, что вот уже несколько лет как получалась.

Запой.

Ушел Никодим в очередное крутое пике и почти не выходил из него. Печень, судя по всему, у мужика была стальная.

А Петя впервые в жизни почувствовал, что такое нормальная жизнь. Без злобы, без страха, без боли. Когда тебя любят, и никто не смотрит на тебя с отвращением, никто не дразнит, а наоборот – защищают.

Все три кузена, Ванька, Сенька и Сашка, грудью вставали на защиту братишки, когда в первые после приезда дни кто-то из деревенской детворы пытался дразнить скособоченного мальчика. Они сразу приняли Надю и Петю в свою компанию, и брали теперь их во все свои походы и вылазки.

Поначалу Петя боялся, что братья перестанут с ним водиться, как только увидят, как медленно он передвигается. И бегать совсем не умеет. И в войнушку он не игрок...

Но кузены словно не замечали неуклюжих движений мальчика, все трое теперь не носились с гиканьем по деревне, поднимая тучи пыли, а ходили медленно, со скоростью ковляющего Петьки.

А где-то через неделю дядя Яша, мамин брат, после завтрака – вкуснющие пышные лепешки с медом! – подошел к Пете и, пряча ласковую улыбку под густыми усами пшеничного цвета, прогудел:

– Ну что, племяш, иди, принимай транспорт.

– К-какой транспорт? – От волнения Петя даже начал заикаться.

Он, не привыкший к отцовской ласке, каждое доброе слово дяди Яши воспринимал как подарок. А тут не просто слово – дядька что-то хочет подарить!

– Гужевой! – рассмеялся дядя Петя и кивнул на сыновей: – А лошадками вот эта троица будет.

– Как это?

– Ты не спрашивай, ты сам посмотри.

Торопясь, Петя так неуклюже слез с покрытой домотканой подстилкой лавки, что не удержался на сведенных вечной судорогой ногах и упал, больно ударившись об угол лавки.

– Осторожнее, внучек! – всполошилась баба Фрося, поднимая мальчика и прижимая его тощее тельце к мягкой теплой груди. – Ну-ка, покажи лобик! Ох ты, шишака какая будет! Но ничего, я сейчас полечу, и все пройдет!

И бабушка нежно поцеловала пульсирующий болью лоб. Раз, другой, третий...

Петя, не привыкший к такой ласке – мама очень любила его, но вот на ласку была бедна, вечные заботы и тяготы вытравили из души привычные проявления материнской любви, – вдруг почувствовал, как свитый в груди комок злости, обиды, горькой ненависти вдруг ослаб, выпуская на волю слезы.

Мальчик вздрогнул, изо всех силенок прижался к бабуле, уткнувшись носом в пахнущую молоком и солнцем морщинистую шею, и горько заплакал.

– Что ты, что ты! – Баба Фрося гладила сотрясающуюся от рыданий худенькую спинку внука и, присев на лавку, начала укачивать его, ласково приговаривая: – Так больно, да? Мое ты золотце! У собачки боли, у кошки боли, а у Пети заживи! Ну-ну, не плачь, лапушка! Все пройдет, вот увидишь!

– Н-не н-надо... – судорожно вздыхая, проикал Петя.

– Что не надо? Гладить?

– Н-нет, гладь, бабулечка, гладь. Н-не надо, чтобы у других б-болело. Т-тогда ты их любить и жалеть будешь, а не меня...

Яков тяжело вздохнул и отвернулся, украдкой вытерев некстати появившуюся слезу. Его жена, Мария, всхлипнула и выбежала из летней кухни, где вся семья завтракала. А дети, кузены и Надюшка, притихли, с сочувствием глядя на плачущего братишку.

– От же ирод какой, папка-то твой, – тихо произнесла бабуля, еще сильнее прижимая к себе внука, словно ограждая его от невидимой опасности. – Это как же надо измываться над женой и детьми своими, чтобы мальчонка ласки не знал! Глупенький ты мой. – Она снова поцеловала вспотевший лобик мальчика. – Как же я могу тебя не любить, ты мой самый лучший внучек, самый красивый, самый умный!

– Я н-некрасив-вый! Я урод!

– Да пусть язык у того отсохнет, кто такое на тебя скажет! Ты не урод, ты просто болеешь. Но ты поправишься, обязательно поправишься, вот увидишь! И станешь сильным, высоким, красивым мужиком...

– И убью отца, – тихо, но решительно произнес мальчик.

Так решительно, по-взрослому, что Яков вдруг почувствовал, как вдоль спины пробежал холодок.

А бабушка, сочтя эти слова обычной детской обидой, укоризненно покачала головой:

– Нельзя так говорить, Петенька! Грех это! Господь накажет!

– Не накажет.

– Почему это?

– Потому что его нет.

– Есть, Петенька, есть. Бог есть, и он нас любит. Потому что он нас создал.

– Да? Тогда меня он точно не любит!

– С чего ты взял?

– А п-почему тогда он меня создал таким уродом?

– Петенька, золотко мое, – и снова мягкие губы коснулись лба, – ну, перестань глупости говорить, внучек мой сахарный! Не урод ты, а просто болен! Ты молись Боженке, проси его помочь – и он услышит. И поможет, вот увидишь!

– Да? Ты меня не обманываешь?

– Да Господь с тобой, родненький! Ты попробуй, попроси Боженьку. Я тебя молитве «Отче наш» научу, и ты перед сном каждый день ее читай, а потом проси Боженьку тебя вылечить.

– И что? – Петя почувствовал, как замерло от радостной надежды его сердечко. – Я стану здоровым?

– Это как молиться будешь. И как себя вести. Если в душе твоей злость и обида на весь мир по-прежнему царить станут, а черные мысли и желания верх возьмут, то тогда помощи не жди...

– Это у Любки в душе пакость всякая, – вмешался в разговор старший из кузенов, Сашка. – Вот только она кобыла здоровая, никакая зараза ее не берет.

– Зараза к заразе не пристаёт, – хихикнул средний, Сенька.

– Так Господь не только болезнями карает, он и по-другому может за черные дела наказать, – тихо произнесла бабушка Фрося. – А Любочка еще маленькая, она может исправиться.

– Хрен она исправится! – хмыкнул Сашка и тут же ойкнул, получив увесистый подзатыльник от отца:

– За языком следи, балбес! Ну что, Петька... – Дядя Яша присел перед прижавшимся к бабуле мальчиком на корточки. – Так мы пойдем сегодня твой гужевой транспорт смотреть или как?

– Да! – Умытые слезами глаза парнишки просияли. – Пойдем!

– Тогда иди ко мне на руки, я тебя к сарайке отнесу.

– Нет! Я сам пойду!

– Ну сам так сам.

Глава 9

Увидев свой гужевой транспорт, Петя не смог удержаться от радостного вопля.

Да и кузены его, и Надюшка – все дети восхищенно загомонили, увидев ладную, точь-в-точь похожую на настоящую, бричку. Только маленькую, как раз под Петькин рост.

А так – все взаправдашнее: пахнувший свежей краской возок с удобным сиденьцем, по бокам возок расписан пусть немного корявыми, но зато с любовью нарисованными цветами и деревьями. Сиденьце покрыто чистеньким половичком, чтобы костлявая попка мальчика не стучалась о доски во время езды. Колеса Яков взял от старой коляски, хорошие еще колеса были, шины только чуть-чуть подклеить пришлось.

– Это... это мне?! – Осторожно погладив нарисованный подсолнух, Петя поднял на дядю сияющие восторгом глаза.

– Тебе, кому ж еще! Мои балбесы и так носятся как угорелые, им не надо. А теперь и ты с ними носиться будешь, а они тебя – везти. Хотят – по одному пусть впрягаются, а нет – так по двое, быстрее будет.

– Здорово ты придумал, батя! – стараясь говорить басом, одобрительно произнес двенадцатилетний Сашка. – Теперь мы Петьке все наши секретные места покажем!

– Что еще за места? – нахмурился отец. – Уж не каменюки ли?

– Нет, батя, ты что! – хором возмутились сыновья.

Яков внимательно всмотрелся в честные-пречестные рожицы мальчишек, затем многозначительно показал на висевшие на стене сарайки вожжи:

– Узнаю, что кто-то из вас к каменюкам ходит – выпорю так, что сидеть не сможет, дня три так точно!

– Батя, они ж далеко, ты думаешь, нам охота по жаре туда таскаться? Мы Петьку в нашу секретную бухточку возить будем, чтобы купаться никто не мешал, не пялился на братишку. А то эти, отдыхающие, ты же знаешь...

– Это да, курортники – особый случай, – тяжело вздохнул Яков, а затем присел на корточки перед замершим от восторга племянником: – Ну чего стоишь, Петр? Залезай в повозку, выбирай коника!

– Меня, меня, меня! – наперебой загомонили братья.

Петя, цепляясь за борта скрюченными конечностями, кое-как заволок ненавистное тело в бричку и смущенно посмотрел на толкающихся мальчишек:

– Мне все равно, вы сами решайте.

С этого дня жизнь стала еще интереснее. Теперь Петька мог путешествовать вместе с остальными, и замедлять ход из-за него не надо было. А его повозка так понравилась деревенской детворе, что выстраивалась очередь из желающих прокатиться в ней.

Обычно ребятня всей гурьбой добиралась до излюбленного места отдыха – маленькой бухточки, спрятанной от курортников на первый взгляд неприступной скалой. Но в этой неприступной скале имелся сквозной проход к бухте, надежно укрытый от посторонних глаз густым колючим кустарником.

Так что курортниками туда и в голову не приходило соваться. Зачем? Ведь есть прекрасные пляжи, совсем близко, карабкаться к которым по горам не надо.

Зато на общие пляжи народу набивалось столько, что побережье в разгар сезона походило на лежбище морских котиков. И вода к вечеру там начинала пованивать туалетом.

А в бухте вода была всегда прозрачной, ветер терялся в скалистом склоне, на берегу был только чистый мягкий песок, а не горы прикопанного мусора, но самое главное – никого постороннего, только свои.

И Петя, поначалу стеснявшийся своего скрюченного тела, совсем скоро забыл о нем. Ну, почти забыл – вбежать в воду, поднимая фонтан брызг, он по-прежнему не мог, зато плавать все-таки научился. А когда научился – из воды почти не вылезал.

Потому что в воде его непослушное тело исчезало, оставляя на поверхности только голову. И мальчик ничем не отличался от остальных купальщиков.

К началу августа Петя уже не походил на того бледного тощего заморыша, каким он приехал в деревню: бабулина кухня, свежий воздух, обилие фруктов, а самое главное – ежедневные прогулки к морю – все это, собранное в один искрящийся луч счастья, сотворило настоящее чудо.

Вместо хилого огрызка в повозке сидел, радостно сверкая дырками выпавших зубов, загорелый крепкий мальчишка с выгоревшими добела волосами. К тому же теперь часть пути Петька пробегал сам, уступая место в тележке визжащей от восторга малышне.

Да, пробегал. Он научился бегать! Пусть недолго, пусть неуклюже, переваливаясь на кри-вых ногах, но – бегать!

Однако самого главного его желания, о котором он теперь каждый вечер горячо молился перед сном – баба Фрося научила его словам «Отче наш», – все еще не исполнялось.

Руки и ноги по-прежнему оставались сведенными вечной судорогой...

И в душе мальчика, ничего толком не знавшего о вере, все больше пускала корни обида на Бога.

А чего он! Сначала создал Петьку таким, а теперь, сколько его ни проси, помочь не хочет! И ведь не только сам Петька просит, мальчик слышал, как его любимая бабулечка истово молится перед потемневшей иконой, спрятанной в дальней горнице. Каждый день молит Всевышнего за внука, желает бедненькому выздороветь, крепко встать на ножки...

И если он, Петька, не может похвастаться только светлыми мыслями – отца и Любку он ненавидел все так же, – то у бабулечки точно ничего черного в душе нет! А Бог не слышит ее!

В общем, обиделся мальчик всерьез, а потом вообще перестал молиться.

После того как в один из чудесных августовских дней дети, вернувшись вечером с моря, увидели во дворе виновато улыбающуюся им маму.

Но обрадоваться Петя и Надя толком не успели, потому что из дома вышла, со вкусом чавкая спелой сливой... Любка?!

– Петенька! – всплеснула руками мать, рассмотрев сына. – Как же ты вырос! А загорел как! Надюша, а ты прямо невеста уже!

– Невеста не с того места, – прокричала Люба, бесцеремонно разглядывая повозку. – Ишь ты, какую телегу для уродца нашего сделали! И правильно, не на горбу же его таскать! Вон какой коняка за лето вымахал на бабушкиных харчах! А я в это время лагерной кашей вонючей давилась и на всякие линейки-сборы таскалась!

– Ну и дальше бы давилась и таскалась, – угрюмо произнес Сашок. – Сюда тебя никто не звал.

– А тебя забыли спросить! – окрысилась девочка. – Я такая же внучка бабы Фроси, как и ты, и имею право тут быть!

– Ма-а-ам? – вопросительно посмотрела на мать Надя. – Ты же говорила, что она на все лето в лагерь поедет!

– А меня папка оттуда забрал! – мстительно улыбнулась Любка. – Вот приехал в начале смены, написал заявление начальнику лагеря и забрал! И обратно меня уже не возьмут!

– Это еще почему?

– Папка постарался!

Судя по гнусному хихику, «постарался» Никодим вполне определенным образом.

Что и подтвердила тяжело вздохнувшая Прасковья:

– Ой, Надюшка, и вспоминать не хочется! До сих пор стыдно! Я с таким трудом достала эти путевки – бесплатные ведь, а у нас с деньгами ты знаешь как, – и все было хорошо...

– Ничего не хорошо! – топнула ногой Люба. – Тоска зеленая, девки – дуры, пацаны – козлы, одних кретинов туда собрали! И кормили невкусно! А ты, когда приезжала на родительский день, совсем мало конфет привозила! Потому что жадная! А потом папка приехал!

– Да уж, приехал... – поджала губы мать. – Протрезвел впервые за два месяца и решил дочку навестить. Украл у меня из серванта деньги, отложенные за квартиру заплатить...

– Не украл, а взял! Имеет право!

– Любка, заткнись! – процедил Петя, задыхаясь от злости. – Твой папашка никаких прав давно не имеет! Он что, эти деньги заработал?

– И что? Когда-то он пахал как проклятый, а мы с мамкой на его шее сидели, теперь его очередь!

– На шее сидеть? – брезгливо уточнил Петя.

– Брать деньги тогда, когда ему понадобится! А ему понадобилось меня навестить, соскучился! Знаешь, сколько он конфет привез? Цельный мешок! И самых дорогих, шоколадных, а не леденцы, как мамка!

– Вот и навестил, – грустно усмехнулась Прасковья. – Мало того, что теперь придется деньги на квартплату одалживать, так еще и позор-то какой! Приехал ваш отец не в родительский день, в обычный, попал как раз во время обеда, решил, что его принцессу плохо кормят, а тут еще и доча нажаловалась плюс старые, как говорится, дрожжи – Никодим в последнее время если и трезвеет, то не до конца. В общем, закатил там такой скандал с битьем посуды и мебели, что и речи не может идти о том, чтобы вернуть Любу в лагерь.

– Папочка у меня классный, правда? – ехидно улыбнулась девочка. – Так что теперь я тут до конца лета буду. А ты слезай! – Она попыталась столкнуть брата с повозки. – Моя очередь кататься!

– Пошла вон отсюда! – Перед девочкой встали все три кузена, и ничего позитивного в свой адрес она в их лицах не увидела. – Это его повозка, наш папка для Петьки лично смастерил. И в ней разрешено кататься только тем, кому Петя разрешит!

– Ма-а-м! – капризно занудила Люба, поворачиваясь к матери.

Но той рядом уже не было. Прасковья и так чувствовала себя виноватой перед детьми за то, что нарушила обещание. Но куда девать дочку, когда до конца каникул еще целый месяц? Не болтаться же ей одной дома, в городе!

Однако защищать Любу мать не собиралась. Женщина прекрасно видела, что средняя дочь – копия папеньки во всех отношениях, и потакать дурному характеру девочки не хотела.

А в душе надеялась, что остальные дети, объединившись с кузенами, слегка подкорректируют личность Любы. Если взрослые не станут вмешиваться.

Может, хоть тогда поймет что-то девчонка?

Глава 10

Мать уехала на следующий день рано утром, и безмятежное счастье закончилось. Отныне везде, всегда и всюду с детьми таскалась Люба, абсолютно не реагируя на молчаливый бойкот, устроенный ей братьями и Надей.

Па-а-адумаешь, молчат они! Разговаривать с сестрой не хотят! Ну и не надо! Мне есть тут с кем разговаривать!

Вот только дня через три количество желающих дружить с Любкой сократилось до нуля. Собственно, их, друзей, и так с каждым летом становилось все меньше – уж очень противная росла девчонка, хитрая и подленькая. Ей ничего не стоило выболтать тайну, доверенную по большому секрету, подставить подружку, стараясь выгородить себя, устроить пакость чисто из спортивного интереса – смешно ведь! Да и капризная была, чуть что не по ней – вой, сопли, слезы.

Поколотить или за косы оттаскать – себе дороже. Ванька вон первым на себе ощутил, что значит обидеть кузину. Да и остальные обидчики безнаказанными не оставались – или сами загадочным образом травмировались, или оказывались виноваты в том, чего не делали, или лишались своих любимцев.

Два щенка и маленький беленький котенок. За предыдущие три лета – три пушистых малыша, исчезнувшие, а потом найденные придушенными.

В общем, проще было игнорировать мерзкую девчонку, чем пытаться наказать ее за гадо-сти. А бегать и жаловаться взрослым – последнее дело.

К тому же взрослые все равно не поверили бы. Ванька попробовал тогда обвинить двоюродную сестричку в своем увечье и что? Бабушка даже отругала его – ишь ты, чего удумал! Шестилетняя девчонка ему, видите ли, перекладину подпилила! Да у нее умишка на такое не хватит!

А теперь это была десятилетняя девчонка, низкорослая, коренастая, с тощей серой косицей, очень похожей на крысиный хвост, с большими ушами, с крысиным же личиком – длинный нос, маленькие темные глазки, скошенный подбородок – и вечно недовольным выражением этого личика.

Женский клон Никодима, в общем.

Который (клон, а не Никодим) таскался теперь следом за детьми, портя им настроение ехидными и злобными комментариями.

Правда, остальных деревенских детей Люба старалась не цеплять – если всем скопом отметелят, замучаешься по очереди пакостить – вымещала свою зависть и злобу на родственниках.

И через неделю допекла их так, что Сашка, воспользовавшись тем, что бабушка как раз затеяла банный день и в этот момент драила в летнем душе противно верещавшую Любу, собрал всех в верхнем штабе, куда к концу лета мог вскарабкаться уже и Петя.

– Ну что делать будем? – сумрачно произнес он, покусывая длинную травинку. – Любка уже достала – сил нет!

– Так чего, – шмыгнул носом Сенька, – через две недели она уберется, а Петька останется. Делов-то!

– Ага, делов, – грустно прошептала Надя. – Я ведь с ней уеду. Без Петечки мне и так плохо будет, а тут еще и она! Лето для меня всегда было отдыхом от Любы. И пусть даже она была здесь, а мы с Петечкой – дома, но все равно спокойно было, тихо. Папка не в счет... А сейчас этот отдых сократился на месяц. Мне же с ней приходится спать в одной кровати, места ведь нет, а она толкается и щиплет! И все время одеяло стаскивает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.